

Полицейская и следственная деятельность

Правильная ссылка на статью:

Асадов Р.Б. За гранью экрана: криминологические и уголовно-правовые аспекты профилактики аутодеструктивного поведения несовершеннолетних // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 3.
DOI: 10.25136/2409-7810.2025.3.75508 EDN: LWOKMH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75508

За гранью экрана: криминологические и уголовно-правовые аспекты профилактики аутодеструктивного поведения несовершеннолетних

Асадов Раму Беюханович

старший преподаватель; Юридический институт; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
главный редактор; Диалог (www.npzhdialog.ru)

600026, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87

✉ asadov@npzhdialog.ru

[Статья из рубрики "Экспертно-криминалистическая деятельность полиции"](#)

DOI:

10.25136/2409-7810.2025.3.75508

EDN:

LWOKMH

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2025

Дата публикации:

14-08-2025

Аннотация: Предмет исследования – криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия аутодеструктивному поведению несовершеннолетних, формируемому в цифровой среде (в информационно-телекоммуникационных сетях, включая социальные сети и иные онлайн-платформы). В центре внимания – квалифицирующий признак «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» в составах преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации; анализируются его нормативная природа, условия применения и значение для дифференциации ответственности. Исследуются криминологические предпосылки выделения указанного признака, особенности сетевого воздействия на психику несовершеннолетних, факторы, усиливающие общественную опасность таких

деяний, а также зарубежный опыт правового регулирования. Отдельно рассматривается задача разграничения ситуаций, когда Интернет фигурирует лишь формально, и случаев, при которых цифровая среда объективно увеличивает вредоносный потенциал преступного поведения; на этой основе обосновывается необходимость нормативной конкретизации признака и совершенствования превентивных мер. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и криминологический методы. Они применялись для анализа норм ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, сопоставления российского и зарубежного регулирования, рассмотрения признака «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» в системе мер профилактики и изучения факторов риска. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе криминологических и уголовно-правовых оснований выделения признака «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, с учетом особенностей сетевого воздействия на психику несовершеннолетних. Обоснована необходимость нормативной конкретизации указанного признака посредством закрепления объективных критериев, позволяющих разграничивать формальное использование цифровых коммуникаций и ситуации, при которых онлайн-формат существенно повышает общественную опасность деяния. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и межведомственного взаимодействия в сфере профилактики аутодеструктивного поведения подростков, включая расширение просветительских программ и институциональную поддержку гражданских инициатив. Выводы исследования направлены на повышение эффективности уголовно-правового реагирования и снижение рисков вовлечения несовершеннолетних в онлайн-сообщество с вредоносным контентом.

Ключевые слова:

аутодеструктивное поведение несовершеннолетних, самоубийство, информационно-телекоммуникационные сети, уголовная ответственность, квалифицирующий признак, цифровая среда, профилактика преступлений, криминологический анализ, судебная практика, зарубежный опыт

1. Криминологические основания квалифицирующего признака «совершение в сети Интернет» в преступлениях против несовершеннолетних

В последние годы в России наметилась устойчивая тенденция к росту числа преступлений, связанных с формированием у несовершеннолетних деструктивных моделей поведения посредством сети Интернет. Особую опасность представляют так называемые «группы смерти», организаторы которых, используя анонимность и широкие коммуникативные возможности социальных сетей, побуждают подростков к самоубийству либо способствуют формированию у них устойчивых суицидальных настроений. Как отмечают отдельные исследователи [1; 2], подобная деятельность длительное время находилась вне сферы эффективного уголовно-правового воздействия, что создавало правовой вакuum, особенно при привлечении к ответственности лиц, действующих дистанционно и скрытно.

Законодательным ответом на эту угрозу стало реформирование ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации и введение в 2017 г. новых составов — ст. 110.1 и 110.2, предусматривающих ответственность за склонение к самоубийству, содействие ему, а

также за организацию деятельности, направленной на побуждение к лишению себя жизни. При этом в качестве квалифицирующего признака закреплен способ совершения деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет (Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ). Представляется, что это решение было обусловлено не только резонансными случаями, получившими широкое освещение в СМИ, но и накопленным научным и правоприменительным опытом, подтвердившим уникальную криминогенную специфику онлайн-коммуникации, характеризующейся анонимностью, массовостью и скоростью распространения деструктивного контента.

П. А. Ларионов считает, что выделение способа совершения преступления с использованием сети Интернет в качестве квалифицирующего признака носит декларативный характер, отражая политico-правовую реакцию на общественный запрос, нежели объективную криминологическую необходимость. Любая форма склонения к самоубийству уже охватывается диспозицией ст. 110 УК РФ, а дополнительное упоминание информационно-телекоммуникационных сетей избыточно [3]. Однако подобная позиция недооценивает специфику интернет-пространства, в котором скрытность, мгновенность и широта охвата создают качественно иной уровень общественной опасности и требуют отдельного нормативного регулирования.

Показательно, что судебная практика последних лет подтверждает значимость указанного квалифицирующего признака. Так, в ряде дел, рассмотренных судами в 2018–2022 годах, использование социальных сетей признавалось обстоятельством, значительно повышающим общественную опасность деяния. Это было обусловлено тем, что такой способ общения обеспечивал непрерывный контакт с потерпевшим, создавал условия для оказания на него психологического давления и формировал замкнутую информационную среду, затрудняющую вмешательство третьих лиц (приговор Звериноголовского районного суда Курганской области от 10 января 2019 года по делу № 1-3/2019; приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 19 мая 2022 года по делу № 1-291/2022; приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 26 ноября 2020 года по делу № 1-1299/2020). В этих случаях использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе социальных, рассматривалось судами как основание для квалификации содеянного по п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, что соответствует разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37 (пп. 17–19).

Как справедливо отмечает М. С. Серебрянникова, наличие в законе признака «совершение в сети Интернет» не освобождает правоприменителя от обязанности доказывать причинно-следственную связь между действиями виновного и наступившими последствиями. В противном случае возникает риск подмены анализа объективной стороны преступления формальной констатацией факта интернет-общения [4; 5]. Поддерживая этот подход, считаем, что использование онлайн-среды не должно автоматически влечь ужесточение ответственности без установления того, что именно данная форма взаимодействия оказала решающее влияние на формирование намерения потерпевшего.

Е. В. Кулдыркаева отмечает, что причинно-следственная связь в составах преступлений, связанных с доведением до самоубийства, характеризуется поэтапностью: воздействие на психику — формирование намерения — наступление результата. Оценка доказательств в таких делах должна основываться на результатах комплексных экспертиз [6]. Аналогичную позицию занимают Н. И. Пряхина и Е. В. Суслина,

подчеркивая, что при квалификации деяний, совершенных с использованием сети Интернет, определяющим является анализ содержания и условий коммуникации, тогда как сам по себе факт онлайн-общения не может служить основанием для ужесточения ответственности [7].

В зарубежной правоприменительной практике (например, в Великобритании и Канаде) внимание сосредоточено не столько на технических средствах совершения деяния, сколько на содержании и контексте коммуникации. Ключевым критерием является то, могли переданный материал восприниматься как подстрекательство к самоубийству — независимо от канала передачи: личной встречи, телефонного разговора или онлайн-общения. Российский законодатель мог бы учесть этот подход, сохранив использование сети Интернет в качестве квалифицирующего признака, но дополнив его содержательными критериями, позволяющими отличать формальные упоминания о сетевом общении от ситуаций, когда онлайн-формат объективно усиливает общественную опасность деяния.

Представляется, что формализация признака «совершение в сети Интернет» без его содержательного уточнения создает риск необоснованно расширительного толкования, при котором практически любое онлайн-взаимодействие с потенциальной жертвой может квалифицироваться как обстоятельство, усиливающее ответственность. Такой подход снижает предсказуемость правоприменения и способен нарушить принцип справедливости наказания. Для устранения этой неопределенности необходимо закрепить в законе критерии, позволяющие различать ситуации, когда Интернет используется лишь как средство передачи информации, и случаи, при которых объективно повышается степень воздействия на психику потерпевшего — например, за счет систематичности контактов, публичности коммуникации или вовлечения в закрытые сообщества.

Эти критерии могут быть закреплены как непосредственно в диспозиции соответствующих норм УК РФ, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. В частности, в постановлении Пленума целесообразно указать, что под «совершением в сети Интернет» следует понимать не сам по себе факт использования сети, а применение ее коммуникационных возможностей таким образом, что создается особая уязвимость потерпевшего и исключается своевременное вмешательство третьих лиц. Такой подход позволил бы одновременно обеспечить защиту жизни и здоровья несовершеннолетних и соблюсти принцип соразмерности уголовной репрессии.

Таким образом, введение квалифицирующего признака «совершение в сети Интернет» в ст. 110–110.2 УК РФ имеет весомые криминологические основания и отвечает вызовам цифровой среды. Однако его результативное применение возможно лишь при четком нормативном наполнении, исключающем формальное и чрезмерное расширение уголовной ответственности. Только в этом случае указанная новелла будет выполнять свою превентивную функцию, не вступая в противоречие с фундаментальными началами уголовного права.

2. Факторы риска саморазрушающего поведения несовершеннолетних в цифровой среде

Анализ современных детерминант преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение самоубийства через Интернет, показывает, что цифровая среда создает благоприятные условия для установления и поддержания контакта с потенциальными жертвами. Легкость коммуникации, отсутствие

географических и временных барьеров, а также возможность использовать псевдонимы или анонимные учетные записи позволяют взрослым выдавать себя за подростков, а знакомым — скрывать свою личность [8; 9]. Сочетание анонимности и персонализированного воздействия, основанного на анализе профиля жертвы в социальной сети, формирует у нее иллюзию особой близости и понимания, что усиливает восприимчивость к манипуляциям.

Существенным фактором риска выступает социальная разобщенность и снижение эмоционального контакта в межличностных отношениях, включая семейные. Формализация общения родителей с детьми и педагогов с учениками снижает уровень доверия и препятствует своевременному выявлению первых признаков вовлечения ребенка в аутодеструктивные онлайн-сообщества. Практика показывает, что родители нередко поздно обнаруживают факты выполнения подростком так называемых «опасных заданий», нанесения себе вреда или общения с кураторами «групп смерти» [10]. Отсутствие доверительных отношений в семье и школе значительно облегчает манипуляцию подростком через Интернет.

Еще одним существенным детерминантом является недостаточная результативность мер профилактики, направленных на ограничение доступа к суицидальному контенту. Несмотря на наличие законодательных механизмов блокировки запрещенной информации, их реализация исключительно государственными органами не обеспечивает должной эффективности. Позитивным представляется опыт привлечения институтов гражданского общества, в том числе создания «кибердружин» [11] и волонтерских объединений («МедиаГвардия», «Киберпатруль»), осуществляющих мониторинг социальных сетей и противодействующих распространению деструктивных материалов [12]. Однако неквалифицированные либо чрезмерно жесткие действия способны вызвать обратный эффект, усилив интерес к запрещенному контенту, что обуславливает необходимость взвешенного подхода и профессиональной подготовки участников подобных инициатив.

Следует учитывать, что привлечение добровольцев к мониторингу цифрового пространства, хотя и расширяет охват профилактических мероприятий, сопряжено с определенными рисками. Прежде всего, отсутствие унифицированного стандарта подготовки таких участников способно привести как к ошибочной квалификации материалов в качестве запрещенных, так и к игнорированию сведений, потенциально представляющих угрозу общественной безопасности. Кроме того, чрезмерное расширение полномочий «кибердружин» может вступать в противоречие с правом на свободу выражения мнения и неприкосновенность частной жизни, особенно в случаях, когда сбор данных выходит за пределы общедоступных источников. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости более четкой правовой регламентации и установления процедурных гарантий, определяющих рамки и методы деятельности волонтеров в данной сфере.

Практика показывает, что без системного межведомственного взаимодействия усилия гражданских инициатив и государственных структур остаются разрозненными и недостаточно результативными. Для эффективного противодействия вовлечению несовершеннолетних в деструктивные модели поведения, сопряженные с риском суицида, необходима координация ресурсов правоохранительных органов, образовательных учреждений, психологических служб и неправительственных организаций. В ряде стран, например в Финляндии и Франции, успешно реализуются комплексные программы, сочетающие интернет-мониторинг с психологической

поддержкой и обучающими курсами по цифровой грамотности. Для России адаптация организационно-методических и нормативных элементов такого опыта может стать эффективным инструментом профилактики.

Интернет как среда коммуникации выступает не только каналом распространения информации, способной причинить вред психическому здоровью подростков, но и пространством формирования их групповой идентичности. В сообществах, пропагандирующих суицидальное поведение, складывается специфический «культурный код» — система символов, терминов и визуальных образов, распознаваемых лишь членами группы. Эта система служит для укрепления вовлеченности и одновременно маскирует опасные сигналы от внешних наблюдателей, в том числе родителей, педагогов и специалистов. Разработка глоссариев и методических материалов, предназначенных для педагогов и родителей, могла бы стать значимым элементом превентивной работы.

Криминологическая значимость рассмотренных факторов заключается в том, что они создают условия, благоприятные для манипулятивного воздействия на несовершеннолетних через интернет. Анонимность общения, социальная изоляция, а также недостаточный уровень цифровой компетентности родителей и педагогов, затрудняющий своевременное обнаружение опасной активности подростка, в совокупности повышают вероятность его вовлечения в суицидальное либо иное аутодеструктивное поведение. В результате преступления, связанные с доведением до самоубийства или содействием ему посредством информационно-телекоммуникационных сетей, отличаются высокой латентностью и требуют применения специализированных методов обнаружения и расследования, учитывающих специфику сетевого взаимодействия. По мнению Ю. В. Никоноровой, данный комплекс обстоятельств обосновывает выделение сетевого способа совершения деяний, сопряженных с причастностью к самоубийству, в качестве квалифицирующего признака [\[13\]](#).

В уголовно-правовом аспекте целесообразно закрепить в законодательстве более детализированное определение признака «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Оно должно отражать не только сам факт обращения к таким сетям, но и условия, объективно увеличивающие степень общественной опасности деяния: целенаправленный поиск уязвимых лиц, обращение к закрытым или анонимным площадкам, регулярное и продолжительное воздействие на потерпевших. Такое уточнение позволит избежать формального применения квалифицирующего признака и обеспечит его реальную профилактическую эффективность.

Одновременно необходимо развивать институциональные механизмы профилактики. Среди приоритетных направлений — внедрение в школах и колледжах программ по цифровой и медиаграмотности, организация межведомственных центров реагирования на случаи вовлечения подростков в опасные онлайн-сообщества, а также повышение компетентности родителей и педагогов в распознавании индикативных признаков — от специфических терминов до кодовых символов, используемых в закрытых группах. Комплексная реализация и постоянный мониторинг эффективности этих мер способны снизить уязвимость несовершеннолетних и, как следствие, уменьшить количество преступлений, совершаемых в отношении них с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

3. Аргументы «за» и «против» сохранения признака «совершение в сети Интернет» в уголовном законе

Ряд исследователей (Д. Д. Добровольский [14], А. Э. Велиев [15]) полагает, что предусмотренное ст. 110 и 110.1 УК РФ дифференцирование ответственности по признаку совершения деяния в информационно-телекоммуникационных сетях во многих случаях носит декларативный характер, поскольку воздействие на потерпевшего возможно и через иные средства связи (например, по телефону) без изменения степени общественной опасности деяния. Данная позиция не в полной мере учитывает специфику цифрового взаимодействия, особенно в отношении несовершеннолетних, для которых социальные сети и мессенджеры являются основными и зачастую единственными каналами социального общения.

Анализ судебной практики свидетельствует, что использование Интернета при совершении рассматриваемых преступлений придает им дополнительные криминогенные характеристики, повышающие их вредоносный потенциал. Так, по приговору Урванского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 мая 2018 г. по делу № 1-66/2018 установлено: подсудимый, посредством социальной сети и представляясь «куратором», вовлек потерпевшую в аутодеструктивную «игру», при этом требовал безусловного исполнения заданий и устанавливал контакт преимущественно в ночное и раннее утреннее время. Суд указал, что такая тактика оказывала непрерывное психологическое давление и создавала дополнительную психотравмирующую нагрузку за счет нарушения режима сна, усиливая эмоциональную нестабильность потерпевшей. Подобный эффект трудно воспроизвести при онлайн-контактах, что свидетельствует о качественном отличии сетевого воздействия.

Цифровая среда создает условия для многослойного воздействия преступника посредством сочетания личных сообщений, вовлечения жертвы в специализированные группы, публикации визуального контента и использования персонализированных алгоритмов рекомендательных систем. Такой комплексный подход усиливает интенсивность и поддерживает непрерывность психотравмирующего влияния, что позволяет обосновать признание признаку «совершение преступления с использованием сети Интернет» самостоятельного квалифицирующего значения. Игнорирование этой специфики в научной дискуссии обусловлено, скорее, недооценкой факторов цифровой социализации несовершеннолетних, нежели объективным отсутствием криминологически значимых различий между онлайн- и офлайн-формами воздействия.

Существенным аргументом в пользу сохранения данного квалифицирующего признака является то, что для значительной части несовершеннолетних Интернет — это не просто канал связи, а ключевое пространство формирования идентичности и социальных связей. Воздействие, оказываемое в этой среде, часто воспринимается ими как более значимое и эмоционально насыщенное, чем личное общение вне сети. Преступник, учитывая этот психологический контекст, способен быстро завоевать доверие и сформировать зависимость от общения, что объективно повышает общественную опасность деяния. Поэтому при квалификации таких преступлений важно учитывать не только технический способ передачи информации, но и социально-психологические особенности сетевой коммуникации.

При этом усиление ответственности должно быть соразмерным и обоснованным. Как показывает зарубежный опыт (Великобритании и Австралии), квалифицирующие признаки, связанные с использованием цифровых технологий, применяются лишь тогда, когда онлайн-формат действительно усилил вред или существенно увеличил вероятность наступления тяжких последствий. Такой подход позволяет исключить случаи, когда формальное использование Интернета рассматривается как единственное основание для

ужесточения наказания. Российской правоприменительной практике также следует выработать четкие критерии для установления факта реального увеличения общественной опасности при сетевых формах воздействия.

Вместе с тем полное исключение упоминания сетевого способа совершения преступления из закона представляется недопустимым. Его отсутствие может ослабить превентивный потенциал уголовного законодательства в сфере защиты несовершеннолетних в онлайн-пространстве. Норма должна не только обеспечивать наказание за уже совершенные деяния, но и выполнять сдерживающую функцию, демонстрируя, что цифровая среда находится в зоне особого внимания государства. В этом контексте сохранение и последующая конкретизация квалифицирующего признака «совершение в сети Интернет» видится необходимым элементом современной правовой политики.

Таким образом, квалифицирующий признак «совершение в сети Интернет» применительно к ст. 110–110.2 УК РФ выполняет не только репрессивную, но и профилактическую функцию, особенно в части защиты несовершеннолетних. Он отражает реалии цифрового общества, где коммуникация в Интернете нередко отличается большей интенсивностью и способна вызывать более глубокий и продолжительный психологический эффект. Исключение этого признака лишило бы законодательство важного инструмента реагирования на современные формы преступного поведения.

Его применение требует четкой регламентации. На законодательном уровне следует закрепить критерии, позволяющие отделить ситуации, когда Интернет выступает лишь нейтральным каналом связи, от случаев, в которых он становится фактором, значительно повышающим общественную опасность деяния. Среди таких критериев можно выделить: использование анонимных или закрытых платформ; систематичность и продолжительность воздействия; вовлечение потерпевшего в специализированные онлайн-сообщества; создание условий, исключающих возможность внешнего вмешательства.

Для обеспечения единообразного применения нормы целесообразно принять постановление Пленума Верховного Суда РФ с разъяснениями относительно толкования и применения признака «совершение в сети Интернет». Это позволило бы устраниТЬ разнотечения в судебной практике, повысить предсказуемость правовых последствий и укрепить профилактическую направленность уголовного закона в условиях стремительной цифровизации общественных отношений.

4. Концепция совершенствования законодательства и комплексной системы профилактики

На основании проведенного анализа представляется необходимым рассматривать совершенствование уголовного законодательства в сфере защиты несовершеннолетних в цифровой среде как одно из приоритетных направлений государственной политики. Прежде всего целесообразно нормативно закрепить уточненное определение признака «совершение в сети Интернет», дополнив его перечнем объективных обстоятельств, характеризующих повышенную общественную опасность деяния. Как отмечает А. С. Перина, формализация таких критериев позволит избежать расширительного толкования и обеспечит соразмерность уголовно-правовой реакции. Разделяю эту позицию, полагая, что при отсутствии четких дефиниций правоприменитель неизбежно опирается на субъективную оценку степени угрозы [\[16\]](#).

Важным направлением развития законодательства следует считать интеграцию норм, обеспечивающих не только уголовное преследование, но и превентивное воздействие на опасный контент. Так, в ряде государств (например, в Германии и Австралии) предусмотрена обязанность онлайн-платформ оперативно удалять материалы, содержащие подстрекательство к самоубийству, по уведомлению уполномоченного органа, под угрозой значительных штрафов. Представляется, что адаптация этой модели в российском праве могла бы существенно повысить эффективность противодействия деструктивным сообществам, особенно в сочетании с технологиями автоматического обнаружения и маркировки запрещенной информации.

Не менее важной задачей является укрепление межведомственного взаимодействия. Сегодня выявление и пресечение преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство через сеть Интернет, осуществляется фрагментарно: правоохранительные органы, образовательные учреждения, социальные службы и ИТ-компании действуют несогласованно. Оптимальным решением видится создание единого координационного центра, наделенного полномочиями для оперативного обмена данными и разработки комплексных профилактических мер. Такой центр мог бы выступать ключевым связующим звеном между государством, бизнесом и гражданским обществом, обеспечивая непрерывный мониторинг и быстрый отклик на новые угрозы.

Как показывают исследования, проведенные в сфере криминологии и социальной психологии, значительная часть несовершеннолетних не осознает рисков, связанных с публикацией личных данных, открытym обменом фотографиями и иной персональной информацией, а также с установлением контактов с незнакомыми пользователями в интернете. Так, А. И. Бастрыкин подчеркивает, что подобная неосведомленность способствует виктимизации подростков, в том числе в контексте преступлений, совершаемых в онлайн-среде [17]. Аналогичный вывод содержится в работе А. М. Бычковой и Э. Л. Раднаевой, где авторы на основе анализа конкретных уголовных дел показали, что злоумышленники, используя интернет-технологии, целенаправленно эксплуатируют доверчивость и информационную уязвимость подростков [18]. В рамках международного проекта EU Kids Online (российская часть — «Дети России онлайн») было установлено, что существенная доля школьников публикует персональные данные в открытом доступе и вступает в коммуникацию с незнакомыми людьми без оценки возможных негативных последствий [19].

В этой связи представляется целесообразным включить в обязательные школьные курсы элементы «цифровой гигиены», ориентированные не только на информирование учащихся о потенциальных рисках, но и на формирование практических навыков защиты личной информации, выявления манипулятивных приемов, характерных для кураторов деструктивных сообществ, а также на развитие критического восприятия онлайн-контента. Разработка таких образовательных модулей может опираться на методические материалы, предложенные Г. У. Солдатовой и соавторами, включающие упражнения по распознаванию фейковой информации, рекомендации по настройке приватности в социальных сетях и сценарии анализа подозрительных коммуникаций [20].

Следующее направление профилактики касается взаимодействия с родителями. Оно должно выходить за рамки разовых лекций или родительских собраний и трансформироваться в устойчивую систему консультирования и сопровождения семей, воспитывающих подростков. Такая система предполагает как обучение взрослых методам выявления признаков вовлечения ребенка в опасные интернет-группы, так и формирование психологической готовности к открытому диалогу с детьми. Показателен

опыт региональных центров родительской компетентности, которые эффективно сочетают онлайн-консультации, выездные тренинги и индивидуальную поддержку.

Отдельного внимания заслуживает институционализация общественных инициатив, направленных на противодействие распространению суициального контента. Объединения, такие как «Медиагвардия» и «Киберпатруль», уже продемонстрировали эффективность, однако их потенциал может быть реализован в полной мере лишь при государственной поддержке. Закрепление правового статуса этих организаций, предоставление им доступа к официальным каналам взаимодействия с правоохранительными органами и обучение активистов основам цифровой криминологии позволили бы значительно повысить результативность их работы.

Целенаправленное противодействие преступлениям, связанным с вовлечением несовершеннолетних в самоубийство в цифровой среде, возможно только при комплексном сочетании уголовно-правовых, организационных, образовательных и общественных мер. Уголовное законодательство должно обеспечивать неотвратимость наказания за такие действия и содержать четкие критерии применения квалифицирующего признака «совершение в сети Интернет». Одновременно требуется формирование устойчивой системы профилактики, охватывающей все уровни — от федерального до муниципального.

Ключевое значение имеет формирование культуры безопасного и ответственного поведения в сети. Задача государства состоит не только в защите несовершеннолетних от внешних угроз, но и в предоставлении им инструментов самозащиты в информационном пространстве. Это предполагает развитие критического мышления, умения распознавать манипуляции, а также готовности обращаться за помощью к родителям, педагогам или специалистам при столкновении с опасным контентом.

Таким образом, сохранение квалифицирующего признака «совершение в сети Интернет» в ст. 110–110.2 УК РФ, его нормативная конкретизация, укрепление межведомственного взаимодействия, расширение просветительской деятельности и институциональная поддержка общественных инициатив должны составить основу целостной государственной политики в сфере защиты жизни и здоровья несовершеннолетних в условиях цифровизации. Только при такой системе мер возможно реальное снижение числа преступлений рассматриваемой категории и повышение уровня доверия общества к правовым институтам.

Библиография

1. Кузнецова Е. В. Предупреждение органами внутренних дел криминогенного воздействия контента и коммуникаций в сети Интернет на несовершеннолетних // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 1. С. 53-57. EDN: YXNLAC.
2. Смирнов А. М. Уголовно-правовая характеристика склонения к совершению самоубийства или содействия в совершении самоубийства // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 7. С. 515-519.
3. Ларионов П. А. Сеть "Интернет" и уголовное право: de lege lata и de lege ferenda // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 4. С. 46-52.
4. Серебренникова М. С. Склонение к самоубийству несовершеннолетних и невменяемых: вопросы правоприменительной практики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 119-126. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-1-119-126. EDN: BXLATU.
5. Серебренникова М. С. Причинно-следственная связь в преступлениях склонения к совершению самоубийства и содействия в совершении самоубийства // Вестник

- Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 2. С. 142-151. EDN: YVUXMR.
6. Кулдыркаева Е. В. К вопросу об установлении причинно-следственной связи при доведении до самоубийства // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 12-2. С. 31-33. EDN: TMTEBM.
7. Пряхина Н. И., Суслина Е. В. Использование сети "Интернет" для совершения деяний, образующих причастность к самоубийству несовершеннолетних // Криминалистъ. 2024. № 2. С. 105-112. EDN: XTSVLD.
8. Кобец П. Н., Краснова К. А., Колесников Р. В. Особенности и профилактика суицидальных проявлений несовершеннолетних в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 3. С. 148-155. EDN: GDJKCN.
9. Кобец П. Н., Ильин И. В. Особенности предупреждения суицидального поведения лиц, осуществляющих свою профессиональную деятельность в экстремальной среде (на примере американских вооруженных сил) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 151-158. DOI: 10.36511/2078-5356-2019-4-151-158. EDN: PKBUFO.
10. Серебренникова А. В. Условия и причины суицида несовершеннолетних // Colloquium-Journal. 2021. № 3-3. С. 69-73. DOI: 10.24412/2520-2480-2021-390-69-73. EDN: FFVEQG.
11. Маскальцова О. В. Формирование добровольных кибердружин как проявление гражданской инициативы противодействия распространения негативной и противоправной информации в сети "Интернет" // Культура открытого города: волонтерство как ресурс городских проектов: материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2020. С. 23-27. EDN: FAIEBR.
12. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Деструктивная деятельность в социальных сетях, направленная на пропаганду суицидального поведения несовершеннолетних: меры противодействия // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3. № 1. С. 103-110. DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-103-110. EDN: WWHNWQ.
13. Никонорова Ю. В. Некоторые вопросы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 147-149. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10173. EDN: XGEENQ.
14. Добровольский Д. Д. Анализ признака использования сети Интернет как элемента объективной стороны в диспозициях норм Особенной части УК РФ // Киберпреступность: риски и угрозы: материалы круглого научно-практического стола. СПб., 2021. С. 37-42. EDN: OFVFQX.
15. Велиев А. Э. Использование информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" как квалифицирующий признак состава преступления // Материалы Научной сессии: в 2 т. / отв. ред. А. Э. Калинина. Волгоград, 2018. Т. 1. С. 155-160. EDN: YYOTXN.
16. Перина А. С. Уголовно-правовые инструменты охраны личности в условиях цифровизации // Виктимология. 2023. Т. 10. № 2. С. 193-203. DOI: 10.47475/2411-0590-2023-10208. EDN: ELTLTN.
17. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5-12. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).5-12. EDN: YHZECR.
18. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 101-115. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).101-115. EDN: YWXGCU.
19. Интернет: возможности, компетенции, безопасность: методическое пособие для

работников системы общего образования / Г. Солдатова, Е. Зотова, М. Лебешева, В. Шляпников. М., 2013. 165 с. EDN: ZTWDZF.

20. Дети России онлайн: риски и безопасность: итоговый отчет по проекту EU Kids Online (российская часть) / под ред. Г. У. Солдатовой. М., 2013. 92 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, криминологические и уголовно-правовые аспекты профилактики аутодеструктивного поведения несовершеннолетних. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В последние годы в России наметилась устойчивая тенденция к росту числа преступлений, связанных с формированием у несовершеннолетних деструктивных моделей поведения посредством сети Интернет. Особую опасность представляют так называемые «группы смерти», организаторы которых, используя анонимность и широкие коммуникативные возможности социальных сетей, побуждают подростков к самоубийству либо способствуют формированию у них устойчивых суицидальных настроений. Как отмечают отдельные исследователи [1; 2], подобная деятельность длительное время находилась вне сферы эффективного уголовно-правового воздействия, что создавало правовой вакuum, особенно при привлечении к ответственности лиц, действующих дистанционно и скрытно.

Законодательным ответом на эту угрозу стало реформирование ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации и введение в 2017 г. новых составов — ст. 110.1 и 110.2, предусматривающих ответственность за склонение к самоубийству, содействие ему, а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к лишению себя жизни. При этом в качестве квалифицирующего признака закреплен способ совершения деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет (Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ). Представляется, что это решение было обусловлено не только резонансными случаями, получившими широкое освещение в СМИ, но и накопленным научным и правоприменительным опытом, подтвердившим уникальную криминогенную специфику онлайн-коммуникации, характеризующейся анонимностью, массовостью и скоростью распространения деструктивного контента". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В зарубежной правоприменительной практике (например, в Великобритании и Канаде) внимание сосредоточено не столько на технических средствах совершения деяния, сколько на содержании и контексте коммуникации. Ключевым критерием является то, мог ли переданный материал восприниматься как подстрекательство к самоубийству — независимо от канала передачи: личной встречи, телефонного разговора или онлайн-общения. Российский законодатель мог бы учесть этот подход, сохранив использование сети Интернет в качестве квалифицирующего признака, но дополнив его содержательными критериями, позволяющими отличать формальные упоминания о сетевом общении от ситуаций, когда онлайн-формат объективно усиливает

общественную опасность деяния. Представляется, что формализация признака «совершение в сети Интернет» без его содержательного уточнения создает риск необоснованно расширительного толкования, при котором практически любое онлайн-взаимодействие с потенциальной жертвой может квалифицироваться как обстоятельство, усиливающее ответственность. Такой подход снижает предсказуемость правоприменения и способен нарушить принцип справедливости наказания. Для устранения этой неопределенности необходимо закрепить в законе критерии, позволяющие различать ситуации, когда Интернет используется лишь как средство передачи информации, и случаи, при которых объективно повышается степень воздействия на психику потерпевшего — например, за счет систематичности контактов, публичности коммуникации или вовлечения в закрытые сообщества. Эти критерии могут быть закреплены как непосредственно в диспозиции соответствующих норм УК РФ, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. В частности, в постановлении Пленума целесообразно указать, что под «совершением в сети Интернет» следует понимать не сам по себе факт использования сети, а применение ее коммуникационных возможностей таким образом, что создается особая уязвимость потерпевшего и исключается своевременное вмешательство третьих лиц. Такой подход позволил бы одновременно обеспечить защиту жизни и здоровья несовершеннолетних и соблюсти принцип соразмерности уголовной репрессии"; "Следует учитывать, что привлечение добровольцев к мониторингу цифрового пространства, хотя и расширяет охват профилактических мероприятий, сопряжено с определенными рисками. Прежде всего, отсутствие унифицированного стандарта подготовки таких участников способно привести как к ошибочной квалификации материалов в качестве запрещенных, так и к игнорированию сведений, потенциально представляющих угрозу общественной безопасности. Кроме того, чрезмерное расширение полномочий «кибердружин» может вступать в противоречие с правом на свободу выражения мнения и неприкосновенность частной жизни, особенно в случаях, когда сбор данных выходит за пределы общедоступных источников. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости более четкой правовой регламентации и установления процедурных гарантий, определяющих рамки и методы деятельности волонтеров в данной сфере. Практика показывает, что без системного межведомственного взаимодействия усилия гражданских инициатив и государственных структур остаются разрозненными и недостаточно результативными. Для эффективного противодействия вовлечению несовершеннолетних в деструктивные модели поведения, сопряженные с риском суицида, необходима координация ресурсов правоохранительных органов, образовательных учреждений, психологических служб и неправительственных организаций"; "В уголовно-правовом аспекте целесообразно закрепить в законодательстве более детализированное определение признака «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Оно должно отражать не только сам факт обращения к таким сетям, но и условия, объективно увеличивающие степень общественной опасности деяния: целенаправленный поиск уязвимых лиц, обращение к закрытым или анонимным площадкам, регулярное и продолжительное воздействие на потерпевших. Такое уточнение позволит избежать формального применения квалифицирующего признака и обеспечит его реальную профилактическую эффективность. Одновременно необходимо развивать институциональные механизмы профилактики. Среди приоритетных направлений — внедрение в школах и колледжах программ по цифровой и медиаграмотности, организация межведомственных центров реагирования на случаи вовлечения подростков в опасные онлайн-сообщества, а также повышение компетентности родителей и педагогов в распознавании индикативных признаков — от

специфических терминов до кодовых символов, используемых в закрытых группах. Комплексная реализация и постоянный мониторинг эффективности этих мер способны снизить уязвимость несовершеннолетних и, как следствие, уменьшить количество преступлений, совершаемых в отношении них с использованием информационно-телекоммуникационных сетей" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична в том смысле, что вводную часть работы невозможно четко ограничить от основной. Основная часть работы состоит из нескольких разделов: "1. Криминологические основания квалифицирующего признака «совершение в сети Интернет» в преступлениях против несовершеннолетних"; "2. Факторы риска саморазрушающего поведения несовершеннолетних в цифровой среде"; "3. Аргументы «за» и «против» сохранения признака «совершение в сети Интернет» в уголовном законе"; "4. Концепция совершенствования законодательства и комплексной системы профилактики". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольшого недостатка формального характера.

Так, автор пишет: "Разделяю эту позицию, полагая, что при отсутствии четких дефиниций правоприменитель неизбежно опирается на субъективную оценку степени угрозы [16]" - "Разделяем" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 20 источниками (научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (П. А. Ларионов, Д. Д. Добровольский и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, сохранение квалифицирующего признака «совершение в сети Интернет» в ст. 110–110.2 УК РФ, его нормативная конкретизация, укрепление межведомственного взаимодействия, расширение просветительской деятельности и институциональная поддержка общественных инициатив должны составить основу целостной государственной политики в сфере защиты жизни и здоровья несовершеннолетних в условиях цифровизации. Только при такой системе мер возможно реальное снижение числа преступлений рассматриваемой категории и повышение уровня доверия общества к правовым институтам"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, криминологии и виктимологии при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), уточнении структуры работы, устранении нарушений в оформлении статьи.